

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР
БОЛЬШОГО АЛТАЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы
II Международного алтаистического форума*

30 сентября — 3 октября 2021 г.
Барнаул — Горно-Алтайск

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431
Т 985

Сборник материалов подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Ответственный редактор

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор,
президент Алтайского государственного университета,
руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, д-р юрид. наук, профессор АлтГУ
С.П. Грушин, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
А.В. Ковалева, д-р социол. наук, профессор АлтГУ
Ю.А. Лысенко, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
И.В. Октябрьская, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН
И.В. Анисимова, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
О.А. Латышева, канд. с.-х. наук, доцент АлтГУ
И.И. Назаров, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
Е.В. Понькина, канд. техн. наук, доцент АлтГУ
С.Б. Сарбашева, канд. филол. наук, доцент ГАГУ

Т 985 Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 504 с.

ISBN 978-5-7904-2597-4

В сборнике представлены научные материалы II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность», который состоялся 30 сентября — 3 октября 2021 г. на базе Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Целью II форума являлась консолидация ведущих научных школ и экспертов России, стран Большого Алтая и Центральной Азии в области изучения алтаистики и тюркологии; обсуждение научно-экспертным сообществом историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов. В представленном сборнике рассматриваются актуальные вопросы алтаистики: этнополитическая история, археология и этнография народов Большого Алтая, религиозное мировоззрение и развитие языков тюрко-монгольских народов, сохранение историко-культурного наследия Большого Алтая и Центральной Азии, факторы устойчивого развития и особенности формирования медиапространства данного региона.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами алтаистики.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431

ISBN 978-5-7904-2597-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2021

ниях, зафиксированных в истории. Все это позволяет видеть в Алтае знаковое явление в тысячелетней истории Евразии, необходимый компонент культуры и мировоззрения тюркских и монгольских народов.

В 1730 г. Ф. Страленберг ввел в науку понятие «алтайская языковая семья». Выбор Алтая в качестве обозначения для огромного сообщества родственных народов был символичным. Едва ли сам шведский ученый знал и задумывался об этом, но присутствие Большого Алтая в истории Евразии действительно очень заметно и символично, а для некоторых народов, в том числе для создателей империй, он был сакральным средоточием благотворных божественных сил и символом древних традиций мироустройства, завещанных предками.

Литература

1. Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской династии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Т. 3. — Новосибирск, 1975. — С. 196-202.
2. Книга Марко Поло. — М., 1955.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М.; Л., 1941.
4. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. — Казань, 2011.
5. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. — М., 2015.
6. Феофилакт Симокатта. История. — М., 1957.
7. Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. — Т. II. — Л., 1929.

Сведения об авторе:

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Россия). E-mail: trepavlov@yandex.ru

ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Ю.С. Худяков^{1,2}, А.Ю. Борисенко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

²Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В данной статье представлены материалы, относящиеся к периоду существования Западного Тюркского каганата. К этому времени относится большая часть памятников древнетюркской культуры, обнаруженных на территории Кыргызстана, Казахстана и Восточного Туркестана. Рассматриваются основные события истории западных тюрков от возникновения каганата до образования государства тюркшей, т.е. с VI до начала VIII в. н.э. Привлечены сведения письменных исторических источников по истории западно-тюркской государственности. Кратко охарактеризованы особенности культуры западных тюрков. Проанализированы особенности погребальной обрядности, включая обряд захоронения в сопровождении верхового коня, и поминальная традиция сооружения каменных оградок и установки изваяний, передающих внешний облик и характерные детали традиционного костюма, как мужчин, так и женщин. На территории Западного Тюркского каганата не встречаются поминальные комплексы древнетюркской знати. Это является одной из особенностей поминальной обрядности культуры западных тюрков.

WESTERN TURKIC KHAGANATE: HISTORY AND PROBLEMS OF STUDYING Yu.S. Khudjakov^{1,2}, A.Yu. Borisenko²

¹Institute archaeology and ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

²Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

It is represented in an article the materials, related to period of existence of Western Turkic Khaganate. Most of monuments of the Old Turkic culture, discovered in the territory of Kyrgyzstan, Kazakhstan and Eastern Turkestan, are referred to that period. It is considered the primary events of Western Turks history from occurrence of the Khaganate to formation of the Türgesh state, i.e. from the 6th century till the beginning of the 8th century A.D. It is involved the data of written historical sources on history of Western Turkic statehood. It is briefly characterized the peculiarities of the Western Turkic culture. It is analyzed the specificities of funerary ritualism, including the burial rite accompanied by supreme courser, and memorial tradition of constructing of stone fences and installation of statues, transmitting appearance and characteristic elements of traditional costume either male, or female one. It is not occurred the memorial

complexes of the Old Turkic nobility in the territory of Western Turkic Khaganate. It is one of the peculiarities of memorial ritualism of the Old Turkic culture.

После разделения единой тюркской государственности на территории его западных и южных районов, входивших ранее в состав западного крыла Первого Тюркского каганата, образовалось самостоятельное кочевое государство — Западный Тюркский каганат, которое называлось Он Ок Эли — «государство десяти стрел». Все взрослое, мужское, кочевое население этого государства составляло — Он Ок Будун — «народ десяти стрел» [3, с. 226]. Территория Западного Тюркского каганата включала земли, входившие ранее в состав западного крыла Первого Тюркского каганата. Это кочевое государство также подразделялась на два крыла: дулу и нушиби, каждое из которых формировало и включало по пять десятитысячных отрядов воинов. Подразделение дулу представляло собой восточное крыло, а нушиби — западное крыло кочевого войска, сформированного на основе «народа десяти стрел». Каждая «стрела» представляла собой военно-административное подразделение, насчитывающее десять тысяч конных воинов. Власть Западного Тюркского кагана распространялась на некоторые телесские кочевые племена, обитавшие на территории западных районов Центрально-Азиатского региона [8, с. 36]. Правители западных тюрков распространяли свою власть и на оседлое городское и земледельческое, преимущественно, согдийское население оазисов Средней Азии.

В сводке сведений о западных тюрках из китайских источников, переведенных Н.Я. Бичуриным, утверждается, что первым каганом западных тюрков был Або-хан «Далобянь, сын Мугань-ханов», который «поссорился с Шаболио и поэтому разделились на два Дома» [1, с. 284]. Если принять такое определение, то получится, что раздел единого Первого Тюркского каганата произошел еще на рубеже VI в. н.э. Однако поскольку в последующий период древними тюрками неоднократно предпринимались попытки восстановления единой тюркской государственности, большая часть современных исследователей считают, что первым правителем, который отделил Западный Тюркский каганат в самостоятельное государственное образование, был Нигю Чуло-хан Дамань [1, с. 284]. Он не имел «постоянного местопребывания», а жил на земле, на которой раньше, в прошлом, проживали усунь. Мать этого кагана, «природная китаянка» Сян-шы, после смерти своего сына вернулась в Китай. Каган Чуло-хан вел войну с телесцами, которые нанесли ему поражение. Он согласился признать себя вассалом Китая [1, с. 285–286]. В своем государстве каган Чуло-хан «поставил двух малых ханов и дал им в управление части своего ханства. Один из них жил в Шигу на севере и управлял всеми тюркскими княжествами; другой жил от Кучи на севере». Из чиновников в Западном Тюркском каганате были выделены администраторы с титулами «Сыфаян и Хунда», которые «управляли государственными делами». Остальные администраторы были «те же, что и в восточных владениях» бывшего Первого Тюркского каганата [1, с. 285]. Вероятно, это было традиционное разделение каганата на два крыла — западное и восточное. Вполне вероятно, что особые чиновники потребовались в Западном Тюркском каганате для того, чтобы управлять оседлым земледельческим и городским населением, которое проживало в оазисах Средней Азии и на территории современного Синьцзяна.

В дальнейшем, к власти в Западном Тюркском каганате пришли Шегуй-хан и затем после него его младший брат Тун Шеху-хан, который, по сведениям источников, отличался храбростью и сообразительностью. По свидетельству китайских современников, он создал довольно боеспособную и многочисленную армию, насчитывающую несколько сот тысяч воинов. В результате успешных военных действий ему удалось подчинить некоторые телесские кочевые племена, в результате чего он распространил свою власть на «весь западный край» [1, с. 289]. В противостоянии с восточными тюрками Тун Шеху-хан готов был заключить союз с Китайской империей, для чего он отправил в Китай одного из своих приближенных с богатыми дарами, включая драгоценный «венец, осыпанный дорогими камнями, золотой пояс и 5000 лошадей» [1, с. 289]. По свидетельству китайских источников, некоторые владения Западного крыла подчинились Тун Шеху-хану и в «каждое он отправил своего дутуня наблюдать за управлением, взимать подати» [6, с. 191]. Однако заключить брачный союз с китайской принцессой ему не удалось. Многие западные тюрки были недовольны политикой своего западного тюркского кагана, поэтому они от него «отложились». В окружении кагана созрел заговор, и его родственник Мохэду убил западного тюркского кагана и сам захватил власть в Западном Тюркском каганате [1, с. 289–290].

В качестве основных направлений внешней политики правителей Западного Тюркского каганата было противоборство с правителями Восточного Тюркского каганата и установление дипломатических с китайской империей. Несмотря на все сложности, периоды правления каганов Шегуй-хана и сменившего его Тун Шеху-хана в Западном Тюркском каганате, С.Г. Кляшторный считает време-

нем расцвета Западного Тюркского каганата. По свидетельству источников, «никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [5, с. 22]. Во время правления Тун Шеху-хана некоторые тюркские правители воцарились в качестве правящих в ряде областей Средней Азии и Тохаристана. Среди некоторой части представителей местной согдийской знати получила известное распространение мода на тюркские обычаи, одежду и прически [3, с. 227]. По мнению Л.Н. Гумилева, Тун Шеху-хан во главе своих войск совершал военные походы в Закавказье. Он удерживал под своим контролем кочевников, населявших степи Восточной Европы [2, с. 159]. Наиболее значительное влияние со стороны древних тюрков отмечено на согдийцев в области развития вооружения и воинского снаряжения [7, с. 103–109]. Однако частые войны и постоянные налоговые поборы способствовали росту недовольства среди подданных Тун Шеху-хана. Этот правитель, «полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились» [1, с. 290]. В результате, воспользовавшись недовольством широких групп населения, один из родственников кагана Кюйли Сыби-хан Мохэду убил правителя и захватил каганский престол.

В результате острого противоборства различных группировок тюркской знати Западный Тюркский каганат «пришел в великое бессилие». Захвативший престол Мохэду «бежал к Алтайским горам», где был убит [1, с. 290]. Ожесточенная борьба за власть между разными группировками правящей элиты продолжилась, что привело к значительному ослаблению государственности у западных тюрков.

Главная ставка Западного Тюркского каганата в период правления Тон ябгу-кагана находилась в «урочище Цянь-цюань», что означает «Тысяча ключей» [6, с. 191]. Это урочище находится на территории Синцзяна. По мнению С.Г. Кляшторного, у Тун Шеху-хана зимняя ставка находилась в г. Суяб в долине р. Чу в Семиречье, а его летняя ставка располагалась в Минг-Булаке, поблизости от г. Испиджаба [5, с. 22].

Прежде, когда к власти в Западном Тюркском каганате при поддержке китайцев пришел Шегуй-хан, он «взял земли» от Алтая на востоке до моря на западе и тем самым «сравнился» с «северными» тюрками [6, с. 191]. Вероятно, в данном случае правитель Западного Тюркского каганата смог подчинить себе кочевое население, обитавшее в пределах бывшего западного крыла Первого Тюркского каганата. Периоды правления Шегуя и Тун Шеху-хана некоторые исследователи связывали со временем расцвета государственности западных тюрков [5, с. 22]. В течение времени своего правления Тун Шеху-хан пытался найти внешнюю поддержку и заключить династийный союз с правителем Китая, во главе которого была могущественная династия Тан.

Согласно трактовке С.Г. Кляшторного, в начале 630-х гг. Западный Тюркский каганат утратил свои владения в Средней Азии, находившиеся на землях, расположенных западнее от р. Сырдарьи, и оказался в затяжном внутривосточном кризисе.

Ослабление западных тюрков совпало с развитием экспансии китайской империи Тан в Центральную Азию. В 640 г. китайцы подчинили своей власти владение Гаочан, или Турфан, создав на территории современного Синцзяна свое китайское наместничество Аньси [3, с. 236]. В 656 г. в регион Притяньшанья совершила свой поход армия империи Тан. В сражении на р. Или, несмотря на свое значительное численное превосходство, войско западных тюрков потерпело поражение [1, с. 297]. Захваченный в плен западный тюркский каган Ашина Хэлу был отправлен в Китай. Там он был прощен императором, однако при этом лишен каганского достоинства. На землях каганата были созданы танские наместничества, во главе которых были поставлены тюркские князья, перешедшие на службу к китайскому императору. Они постоянно интриговали друг против друга в надежде подчинить себе все десять племен западных тюрков [8, с. 40]. Однако все последующие попытки восстановления Западного тюркского каганата не удались.

В течение исторического периода существования Западного Тюркского каганата произошла определенная консолидация тюркских кочевых племен, населявших районы Тянь-Шаня и Семиречья.

Ко времени существования Западного тюркского каганата относится большая часть археологических памятников древнетюркской культуры, обнаруженных и изученных на территориях современных государств этого региона. Они изучены в Кыргызстане, Казахстане, Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Погребальные и поминальные комплексы западных тюрков имеют определенные отличия от подобных археологических памятников восточных тюрков.

Существенным фактором, значительно повлиявшим на этнокультурогенез западных тюркских кочевников, явились их регулярные этнические и культурные контакты с местным оседлым иранским, а также с тохарским населением, проживавшими на территории Средней Азии и Синцзяна в течение эпохи раннего Средневековья. Они во многом способствовали формированию своеобразного тюрко-согдийского культурного симбиоза [4, с. 78–136].

В период существования Западного Тюркского каганата тюркоязычные кочевые племена, входившие в состав «народа десяти стрел», постепенно обособились от восточных тюрков в культурном и этническом отношении.

Длительный внутривластный кризис, междоусобные военные столкновения и вторжения вражеских войск способствовали ослаблению политического авторитета правящего аристократического рода Ашина среди западных тюрков. Зависимость некоторых западных тюркских каганов от правителей империи Тан и Тибета существенно дискредитировала их в глазах тюркской правящей элиты и рядовых кочевников. В начале VIII в. последний каган западных тюрков Ашина Синь был убит вождем тюргешей Мохэ Даганем Учжилэ, который провозгласил самого себя каганом [3, с. 238].

В течение эпохи существования Западного Тюркского каганата в районах расселения западных тюрков на Тянь-Шане и в Семиречье, в Синьцзяне, восточных и центральных районах современного Казахстана сформировался свой вариант древнетюркской культуры, характерный для объединения Он Ок Будун. Несмотря на то, что основные компоненты древнетюркского культурного комплекса, в том числе погребение с конем, поминальные оградки с изваяниями, набор предметов вооружения воинского и конского снаряжения, некоторые женские украшения, предметы вооружения, воинского и конского снаряжения, гравированные рисунки на петроглифах, тамбовые знаки и рунические надписи, у каждой из этих групп кочевников были свои культурные особенности.

Погребальные памятники западных тюрков, исследованные в разное время на Тянь-Шане, представляют собой курганы с каменными и земляными насыпями, которые перекрывали могильные ямы с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении верхового коня. Реже встречаются могилы с погребениями в сопровождении барана. Встречаются одиночные захоронения взрослых людей и детей по обряду ингумации и захоронения лошадей. В ходе раскопок средневековых городищ в Чуйской долине отдельные древнетюркские захоронения с лошадьми были обнаружены и исследованы на площади городских кладбищ [8, с. 51–52]. Среди исследованных захоронений с лошадьми в количественном соотношении преобладают погребения с разнонаправленным положением человека и коня. Такие захоронения исследованы на памятниках Ала-Мышик, Айгыр-Жол и др. [8, с. 54]. Курганы западных тюрков были округлые в плане, сферической или уплощенной кольцевой формы с пологой западиной в центре. Большая часть из них сооружена из камней и обложена по периметру камнями. В могилах обнаружены погребения по обряду ингумации со взнузданными и оседланными лошадьми. Тушу коня обычно укладывали на живот с подогнутыми ногами или на боку параллельно с человеком. Взрослых мужчин западные тюрки, как правило, хоронили с оружием и воинским снаряжением, женщин погребали с украшениями.

В районах расселения западных тюрков исследовано значительное количество поминальных оградок, подле которых устанавливали каменные изваяния мужчин и женщин. Как правило, поминальники были сооружены в той же местности, что и погребальные комплексы. Наличие поминальников в составе одних и тех же комплексов с курганами с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении верховых коней может быть важным свидетельством в пользу их принадлежности к одной древнетюркской культуре. На территории расселения западных тюрков не обнаружено поминальных комплексов древнетюркской знати с валами и рвами, изваяниями людей и животных, стелами с надписями, подобных тем, что были обнаружены в Монголии и Саяно-Алтае. Однако в Семиречье найдена одна каменная скульптура черепахи с пазом на панцире, в который могла устанавливаться стела с надписью. Подобные памятники были характерны для китайской культурной традиции, из которой были заимствованы тюрками еще в период существования Первого тюркского каганата, а в дальнейшем воспринята восточными тюрками.

Исследованные материалы демонстрируют характерные отличия погребальной и поминальной обрядности между культурами западных и восточных тюрков. К ним можно отнести наличие женских и детских каменных изваяний, отсутствие памятников древнетюркской знати и другие особенности.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы: ООО «Жалын баспасы», 1998. — Т. I. — 390 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Клышников-Комаров и К, 1993. — 526 с.
3. История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. — Т. I. — 798 с.
4. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 215 с.
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб.: Фарн, 1994. — 165 с.

6. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. — 392 с.
7. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л.: Наука, 1980. — 140 с.
8. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

Сведения об авторах:

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: khudjakov@mail.ru

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия). E-mail: aborisenko2@mail.ru

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Евразийская концепция как теоретическое обобщение опыта изучения длительных и разновременных контактов тюркских и русской (славянской) общностей в Северной Евразии позволяет делать вывод о том, что в результате взаимодействий произошло не только накопление общих этнокультурных элементов, но и осознание некой цельности тюркского и русского миров, к пониманию их цивилизационных отличий. Однако этнокультурная граница между ними была размытой и во многом поддерживалась за счет конфессиональных различий, что в совокупности с административными и социально-политическими факторами стимулировало разнонаправленные этнические процессы, приведшие как к формированию современных тюркоязычных народов, так и к включению их части в состав русских сибиряков.

THE SIBERIAN TURKIC-SPEAKING PEOPLE IN CONTEXT OF THE EURASIANISM CONCEPT

L.I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

The Eurasianism concept is a theoretical generalization of long and diachronous contacts of Turkic-speaking peoples and Russians (Slavs) in northern Eurasia. A conclusion may be done that the result of such interaction was not only the accumulation of common ethnic cultural elements, but also the understanding of integrity of Turkic and Russian worlds along with the differences between them. The ethno cultural border between the communities was diffused and was supported often by the confessional differences only. In conjunction with the administrative and sociopolitical factors it stimulated multidirectional ethnic processes. The processes resulted in both formation of modern Turkic peoples and inclusion of some of them into Russian Siberians

Осмысление исторического развития человечества и отдельных народов с библейских времен и античности является краеугольным камнем человеческого познания, ориентиром определения его целей и нравственных начал. Особую актуальность эта проблема приобретает в ходе разрушения прежних и становления новых цивилизаций, распыления и сложения новых народов, гибели и формирования государств. Естественной является попытка каждого народа представить собственную версию своего исторического пути, порой навязывая ее другим сообществам. Понятно, что все современные теории исторического развития не могут дать исчерпывающий ответ, объясняющий ход мировой истории, в лучшем случае они более-менее достоверно описывают этапы развития собственного народа и государства. Такие теории вряд ли без существенной корректировки могут использоваться для понимания исторических процессов в других регионах мира, применительно к иным народам и цивилизациям. Придание им универсального характера вводит в заблуждение исследователей и не позволяет делать теоретические обобщения собственных материалов, а попытки под их влиянием «подкорректировать» естественный исторический процесс создают новые проблемы, а порой и тупики в собственном историческом развитии.

Между тем еще в конце XIX в. с идеей о «культурно-исторических типах» выступил Н.Я. Данилевский. Он считал, что, развиваясь, любой народ «развертывает в себе присущую только ему самобытную идею» и формирует оригинальный, только ей присущий «культурно-исторический тип».